

вить эту несправедливость. Пафос его немногочисленных, посвященных эмоциям работ состоял в том, чтобы очертить круг, так сказать, положительных функций, выполняемых эмоциями. Нужно сказать, что это ему удалось в значительной степени благодаря тому, что он изучал детские эмоции. А в детстве Эмоция и в самом деле Принцесса, так как она играет значительно большую роль, чем ее старшие сестры Мысль и Воля. Впечатляет, например, полученный результат: формирующаяся у ребенка способность сочувствовать другим людям, названная им аффективной «децентрацией», предшествует и, видимо, является условием «децентрации» интеллектуальной. Беда, если эмоции угасают в более зрелом возрасте...

На основании своих исследований и, видимо, собственного жизненного опыта А. В. Запорожец заключил, что «*Чувства — ядро личности, орган индивидуальности*». Эти слова, найденные в его рукописном наследии, я поставил эпиграфом к докладу о Л. С. Выготском, написанном А. В. Запорожцем за несколько месяцев до кончины. Замечу, что последний доклад Д. Б. Эльконина также был посвящен Л. С. Выготскому.

Ядром личности самого Александра Владимировича, несомненно, были чувства, хорошо скрытые за внешней спокойной невозмутимостью. Такое заключение вовсе не принижает его ума и воли. Его чувства, действительно, были высшими, умными и действенными. Он понимал абсолютную ценность человеческих чувств и старался вывести их за пределы прагматики поведения и деятельности. Он и сам был подлинный «*муж чувств*», благотворное влияние которых многие испытали на себе.

До сих пор я открываю *горизонт ближайшего развития* своих исследований и размышлений в трудах А. В. Запорожца, А. А. Ухтомского, Г. Г. Шпета, Н. А. Бернштейна, С. Л. Рубинштейна и моих учителей — представителей школы Л. С. Выготского и не только... Хотелось бы пожелать того же следующим за моим поколениям психологов.

О начале научной работы Майи Ивановны Лисиной

Майя Ивановна Лисина (1929—1983) известна как замечательный детский психолог. Почти три десятилетия она изучала генезис и формы общения у детей и, видимо, сама забыла о начале собственной научной деятельности, весьма далекой от изучения младенчества и детства. А начало было не менее замечательным, чем продолжение.

После окончания МГУ им. М. В. Ломоносова в 1952 году М. И. Лисина стала аспиранткой А. В. Запорожца. Хотя ее научный руководитель заведовал лабораторией детской психологии, он предложил аспирантке тему, соответствующую его давним общепсихологическим интересам. По свидетельству А. Н. Леонтьева, он вместе с А. В. Запорожцем в 1936 году разработал гипотезу о генезисе и природе чувствительности. В 1940 году А. В. Запорожец и В. А. Аснин опубликовали первые результаты исследований, доказывающих ее правдоподобность¹. Хотя неоднократно высказывались сомнения в возможности выработки чувствительности кожи ладони к лучам видимого спектра, меня убеждает в доброкачественности исследований не только личное знакомство с экспериментатором, но и авторитетное мнение выдающегося физиолога Л. А. Орбели, который был официальным оппонентом по докторской диссертации А. Н. Леонтьева, где были подробно изложены эти исследования.

Однако А. В. Запорожцу этих, самих по себе интереснейших результатов, освещающих проблему возникновения ощущений, было недостаточно. Его волновал генезис произвольности вообще и произвольных движений в частности. Такую проблему легко поставить, но как подступиться к ее решению? Не так просто найти у взрослого человека элементарное «двигательное действие» (в терминологии Н. А. Бернштейна), которое человек не смог бы со-

¹ Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1959. С. 42, 108, 135.

вершить. И А. В. Запорожец решил превратить совершенно произвольные сосудистые реакции в произвольно управляемые, когда испытуемый сможет по инструкции экспериментатора сжимать или расширять сосуды. Ему удалось заинтересовать этой проблемой пришедшую к нему аспирантку — М. И. Лисину. Думаю, что А. В. Запорожцу сильно повезло. Далек не каждый принял бы такую тему, а главное — сумел бы выявить условия превращения вазомоторных реакций из произвольных в произвольные. (Наверное, проще было бы изучать йогов, но в 1950-е годы в СССР даже слово «йог» было прочно забыто.) Поиск М. И. Лисиной, частично проходивший на моих глазах, был драматическим. В конце концов она нашла адекватную психологическую обратную связь: испытуемым на движущейся ленте фотоплетизмографа предьявлялись их собственные сосудистые реакции. Они видели как фоновую пульсацию, так и пульсацию, которая меняется под воздействием болевого раздражения, вызываемого электрическим током. (Когда увещевания и просьбы не помогают, психологи нередко используют нехитрое, но верное чеховское правило: если зайца бить, его можно спички научить зажигать.) Задача испытуемых состояла в том, чтобы самим вызывать требуемую реакцию и тем самым избегать ударов тока. Не буду описывать многочисленные вариации условий эксперимента, которые привели к положительному результату. Скажу лишь, что для современных диссертаций объем выполненной работы был совершенно неправдоподобным: сорок три испытуемых, огромное количество экспериментов, в каждом из которых сотни проб. Редко в какой докторской диссертации можно сегодня обнаружить подобный объем работы. Но результат стоил усилий, труда и терпения.

В исследовании М. И. Лисиной было обнаружено новое фундаментальное свойство живого движения. Согласно Н. А. Бернштейну, живое движение реактивно, оно эволюционирует и инволюционирует. Оказалось, что оно к тому же еще и чувствительно. Общее правило, сформулированное М. И. Лисиной, состоит в том, что прежде чем движение станет управляемым, оно должно стать ощущаемым. Приведу очевидные примеры. От пациентов после перенесенного ими инсульта можно услышать: у меня рука «ослепла», за все цепляет. Мы на себе испытывали трудности управления «отсиженной ногой». Иракий Андроников, рассказывая о своем дебюте на эстраде, говорил, что он весь чувствовал себя как большая «отсиженная нога». И все же одно дело такие наблюдения, другое дело — строгое доказательство не только наличия подобной чувствительности, но и выявления условий доведения его до осо-

знания. В обычной ситуации подобная чувствительность движения совершенно избыточна с точки зрения регуляции внешнего поведения. В ее избыточности состоит еще одно сходство с моторикой. Мы в отдельных поведенческих актах используем далеко не все степени свободы, которыми обладают кинематические цепи нашего тела. Хочу еще раз подчеркнуть, что в работе М. И. Лисиной впервые экспериментально доказано наличие чувствительности и ощущаемости биодинамической ткани двигательного акта.

Если учесть, что ее исследование выполнялось в 1952–1955 годах, то можно с уверенностью сказать, что оно на десятилетие предвосхитило целое направление последующих исследований по использованию психологических и биологических форм обратной связи для эффективного управления поведением и действиями человека. Итоговый вывод этого замечательного исследования состоит в том, что чувствительность, ощущаемость движений — не только обязательный спутник их произвольности, но и необходимая ее предпосылка. В целом, это исследование можно считать аргументом (или расшифровкой) в пользу общего, но категорического высказывания Л. С. Выготского: осознание и овладение идут рука об руку.

Работа М. И. Лисиной не была забыта. На нее постоянно ссылается Б. Д. Эльконин как на образец исследования опосредствованного действия. Н. Д. Гордеева, опираясь на данные М. И. Лисиной о чувствительности движения, обнаружила неоднородность этой чувствительности: есть чувствительность к исполнению и чувствительность к ситуации. Обе формы чувствительности несколько раз в секунду чередуются по фазе, поочередно угнетая одна другую. Их сопоставление обеспечивает эффекты фоновой рефлексии.

Аппетит приходит во время еды: А. В. Запорожец, вдохновленный полученными результатами, еще до защиты М. И. Лисиной диссертации стал планировать следующий этап ее работы. Он предложил ей проделать то же самое со зрачковыми реакциями, но столкнулся с решительным отказом. (Тогда он предложил это сделать мне — в то время тоже его аспиранту. Мне это не удалось, возможно, не хватило лисинской настойчивости, и я со зрачковых реакций переключился на изучение движений глаз.) Нет худа без добра. Если бы М. И. Лисина согласилась, то мы не имели бы превосходного детского психолога. Думаю, что причина отказа была не только в интересе М. И. Лисиной к младенчеству, но и в истощенности для нее проблемы, а возможно, и в эффекте «выгорания». Не буду гадать.

К сожалению, в то время не было требований к публикации работ, предваряющих защиту диссертаций. М. И. Лисина защитила

диссертацию в 1955 году, и лишь два года спустя опубликовала небольшую статью «О некоторых условиях превращения реакций из произвольных в произвольные»². Больше она к этой работе не возвращалась. Подробно изложил и проинтерпретировал исследование М. И. Лисиной ее научный руководитель А. В. Запорожец в книге «Развитие произвольных движений»³.

Несколько слов о Маечке, как называл ее А. В. Запорожец (и я тоже). Она всегда была ровна, приветлива, доброжелательна к окружающим ее людям, проницательна, но сдержана, порой мягко иронична, хотя чувства юмора ей было не занимать. Для заработка, сидя в Ленинской библиотеке, на нескольких языках реферировала психологическую литературу. Ее рефераты систематически публиковались в журналах ВИНТИ. При этом она признавалась, что значительно большее удовольствие получает не от чтения психологических текстов, а от английских детективов, которые читает в библиотеке.

В 1965 году я поделился с ней радостью по поводу рождения сына и с недоумением рассказал ей о богатстве его спонтанной мимики. Она посмеялась над моей «отцовской тупостью» и сказала, что она с сотрудниками зафиксировала у младенцев до 60 видов экспрессии. Мы поговорили об избыточности моторики, чувствительности и вместе посмеялись по поводу того, что некоторые взрослые настолько успешно преодолевают избыточные виды экспрессии, что оставляют себе единственное сфинксоподобное выражение лица. О примерах, которые нам пришли в голову, я умолчу.

Конечно, жаль, что так рано ушла Майя Ивановна, но хорошо, что она была! Вместе с ней вспоминаются и другие богато одаренные женщины, которые были в нашей психологии: Л. И. Божович, Т. В. Розанова, О. С. Виноградова, И. В. Равич-Щербо, Е. Ю. Артемьева...

² Лисина М. И. О некоторых условиях превращения реакций из произвольных в произвольные // Доклады АПН РСФСР. 1957. № 1.

³ Запорожец А. В. Развитие произвольных движений. М., 1960.

Петр Яковлевич Гальперин: от действия с заданными свойствами к свободной мысли

Петр Яковлевич Гальперин — выдающийся психолог, пришедший в психологию из медицины в начале 1930-х годов. Общеизвестно, что он принадлежал к Харьковской, затем к Московской школе психологов, созданной А. Н. Леонтьевым и получившей наименование деятельностного подхода в психологии, или психологической теории деятельности. Он не был, как его ближайшие друзья и коллеги Л. И. Божович, А. В. Запорожец и др., непосредственным учеником Л. С. Выготского или, как А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, Д. Б. Эльконин, коллегой и соратником Л. С. Выготского по созданию культурно-исторической психологии. Он, как и мой отец, П. И. Зинченко, встретился с А. Н. Леонтьевым, А. Р. Лурией, А. В. Запорожцем уже в харьковский период их научной деятельности. С этой встречей была связана и проблематика его кандидатской диссертации, посвященной орудийности психики в преддошкольном и дошкольном возрасте. Под орудием он имел в виду не «орудие-знак», а реальное, вещественное орудие.

С участниками этой школы была связана его дальнейшая судьба и научная биография, которая, к сожалению, еще не написана. Я не могу претендовать на ее описание, так как не являюсь его непосредственным учеником, хотя и считаю его своим учителем. Моя задача значительно скромнее. Мне хотелось бы в этих заметках вспомнить о его уникальной роли в школе А. Н. Леонтьева, которую я не вполне законно рассматриваю как единое целое. Незаконно, потому что П. Я. Гальперин, А. В. Запорожец, П. И. Зинченко, А. Р. Лурия, Д. Б. Эльконин в рамках психологической теории деятельности (или за ее пределами?) являются создателями своих собственных направлений в психологии и собственных научных школ. И эти последние, например, в сознании наших западных коллег далеко не всегда идентифицируются с психологической теорией деятельности, рассматриваются как вполне самостоятельные или имеющие корни в культурно-исторической психологии. Наиболее очевидными примерами такой оценки являются школы П. Я. Гальперина и А. Р. Лурии. Но независимо от этого вся их жизнь